

АЛЬ КАПОНЕ

Екатерина
Глаголева

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Екатерина Глаголева

Аль Капоне. Порядок вне закона

«ВЕБКНИГА»

2022

Глаголева Е. В.

Аль Капоне. Порядок вне закона / Е. В. Глаголева —
«ВЕБКНИГА», 2022 — (Жизнь замечательных людей)

ISBN 978-5-235-04717-4

В множестве книг и кинофильмов об Альфонсо Капоне, он же Аль Браун, он же Снорки, он же Аль «Лицо со шрамом», вымысла больше, чем правды. «Король гангстеров» занимал «трон» всего шесть лет, однако до сих пор входит в сотню самых влиятельных людей США. Структуру созданного им преступного синдиката изучают студенты Гарвардской школы бизнеса, на примере судебного процесса над ним учатся юристы. Бедняки считали его американским Робин Гудом, а правительство объявило «врагом государства номер один». Капоне бросал вызов политикам – и поддерживал коррупцию; ускользал от полиции – но лишь потому, что содержал её; руководил преступной организацией, крышевавшей подпольную торговлю спиртным и продажу молока, игорные дома и бордели, конские и собачьи бега, – и получил тюремный срок за неуплату налогов. Шикарный, обаятельный, щедрый, бесстрашный Аль был кумиром молодёжи. Он легко сходился с людьми, любил общаться с журналистами, способствовавшими его превращению в легенду. Почему она оказалась такой живучей и каким на самом деле был всемирно знаменитый гангстер? Екатерина Глаголева предлагает свою версию в самой полной на сегодняшний день биографии Аля Капоне на русском языке.

ISBN 978-5-235-04717-4

© Глаголева Е. В., 2022

© ВЕБКНИГА, 2022

Содержание

Предисловие	7
Глава первая	9
Хлеб по рецепту Терезы Капоне[1]	9
Маленькая Италия	10
Бруклин	15
«Пять углов»	22
Кони-Айленд	27
Глава вторая	33
Говядина по-итальянски	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Екатерина Колодочкина

Аль Капоне

© Глаголева Е. В., 2020

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2020

*Люди, которые ничего не уважают, боятся **страха**. А потому я построил свою организацию именно на **страхе**. Только поймите меня правильно, пожалуйста. Те, кто работает **со мной**, ничего не боятся. Те, кто работает **на меня**, хранят верность – не столько из-за денег, сколько потому, что они знают, чем кончится дело, если они нарушат верность.*

Из интервью Аля Капоне Корнелиусу Вандербильту-младшему

Качества, которыми мы восхищаемся в человеке, – доброта, щедрость, открытость, прямоту, понимание, чувствительность, – все они обеспечивают успех. Те же черты, которые мы считаем гнусными, – лукавство, алчность, жажда наживы, подлость, низость, эгоизм, своекорыстие, – всё это, напротив, гарантирует успех. Людей восхищает первый джентльменский набор, но пользоваться они любят плодами второго.

Джон Стейнбек. Консервный ряд

Предисловие

«Добрый словом и пистолетом можно добиться гораздо большего, чем одним только добрым словом». Чьи это слова? Аля Капоне! – немедленно ответят все пользователи соцсетей, в которых тиражируются фото самого известного из гангстеров, сопровождаемые этой фразой. В самом деле?

В 1953 году журнал «Верайети» напечатал текст радиопередачи на канале Эн-би-си – «Юмор сквозь века». Это было выступление известного комика Ирвина Кори (1914–1917), который считается создателем жанра «стендап» – юмористических монологов с элементами импровизации. Кори придумал себе образ «профессора», с умным видом объясняющего самые разные явления так, что получается полная белиберда. В одном из эпизодов той передачи он произносил монолог под Гамлета: «У меня есть простая философия, бьющая прямо в точку. Попади в цель, прямой наводкой, грубо, просто, прямо в точку. Моя философия такая: добрым словом и пистолетом можно добиться большего, чем просто добрым словом».

Фраза оказалась удачной. В 1958 году её процитировала газета «Ивнинг стар», в 1962-м – «Сиэтл дейли таймс»; оба издания ссылались на Кори. В 1966 году эту реплику взял на вооружение актёр Тед Бесселл, снимавшийся в комическом телесериале «Та девушка», и это сразу же заметил журнал «Голливуд репортер». В июле 1969 года журнал «Парейд» напечатал подборку «Лучшие шутки профессора Ирвина Кори», и одна из них выглядела так: «Кажется, это Аль Капоне однажды сказал: добрым словом и пистолетом можно добиться большего, чем только добрым словом». В самом деле, пистолет больше подходил Алю Капоне, чем Гамлету.

Но стремление актёра к большей правдоподобности дало неожиданный результат. В августе того же года, то есть всего месяц спустя, одна бруклинская газета писала уже совершенно определённо: «Об Але Капоне говорили, что он всегда утверждал: лучший способ преуспеть – использовать доброе слово и пистолет, в особенности пистолет». Коллеги бруклинских газетчиков из Айовы не стали возводить это высказывание в ранг поговорки, сделав его однократным: «Это Аль Капоне однажды сказал: добрым словом и пистолетом...» Ну, дальше вы помните. Точно так же эту фразу преподнесли своим читателям журналисты из Висконсина в ноябре 1970-го.

Два года спустя известный американский экономист Уолтер Хеллер (1915–1987), бывший в своё время советником президента Джона Ф. Кеннеди, тоже «протитировал» Капоне в статье, напечатанной в журнале «Тайм», только чуть переиначив: «Можно пойти гораздо дальше, используя доброе слово и пистолет». А ещё через два года уже известный нам журнал «Парейд» опубликовал подборку лучших шуток комедийного дуэта Джима Гэннона и Уилфреда Герстенблатта, которая заканчивалась «мудрым изречением Капоне: всегда можно чего-нибудь добиться добрым словом и пистолетом». Об Ирвине Кори речь уже не шла. Зато одна бостонская газета в 1977 году сослалась уже на Хеллера, снова процитировав «высказывание Капоне», только заменив в нём «доброе слово» на «улыбку». Восстановить истину попытался Пол Диксон, издавший в 1980 году «Официальные объяснения известных цитат и изречений».

Но в 1987-м вышел фильм «Неприкасаемые» Брайана де Пальмы, в котором роль Аля Капоне сыграл Роберт Де Ниро. В самом начале картины он говорит журналистам: «Я вырос среди суровых людей, и мы обычно говорили: добрым словом и пистолетом можно добиться большего, чем просто добрым словом, и в том окружении это было похоже на правду». Этот фильм, хотя и основанный на реальных событиях, вобрал в себя столько мифов и малоправдоподобных ситуаций, что внимательные зрители усомнились в авторстве цитаты. В самом деле, ни в одной из книг о Капоне, написанных людьми, знавшими его лично или говорившими с теми, кто знал его лично, этой фразы нет. «Йельский цитатник» 2006 года в очередной раз

восстановил справедливость, упомянув об авторстве Кори. Но кто станет рыться в университетском справочнике, когда под рукой Интернет?..

На примере этой истории можно себе представить, с чем сталкиваются исследователи, пытающиеся написать историю жизни Аля Капоне. Происхождение приписываемой ему фразы удалось установить, поскольку подтверждающие документы никто и не пытался прятать, уничтожать или фальсифицировать. Тем не менее стоило кому-то одному воспринять шутку всерьёз, как многократное повторение превратило её в «неоспоримый факт». С биографией самого знаменитого гангстера в мире всё гораздо сложнее, потому что правду о его жизни тщательно скрывали. Даже официальные документы – например свидетельство о рождении, полицейские протоколы, история болезни – составлены «со слов» главного заинтересованного лица или его родственников и соратников, которые были способны солгать и под присягой. Дневников эти люди не вели; личную переписку жена Капоне перед своей смертью уничтожила; счета в банке открывали на подставных лиц. Зато выдумок не счесть. Основным источником информации служат газетные репортажи, где зёрна фактов пересыпаны плеведами художественного вымысла для развлечения (и привлечения) читателей. Объективных данных практически нет: биографам приходилось опираться лишь на эти сведения, на мемуары участников событий (которые, разумеется, беспристрастностью не отличались), а также на воспоминания многочисленных родственников Капоне, сопоставляя различные версии семейных преданий.

Кстати, многие потомки Капоне узнали, что они родственники, только благодаря деятельности исследователей: их отцы брали другие фамилии, чтобы скрыть своё происхождение, отрывались от корней, и троюродные братья и сёстры даже не подозревали о существовании друг друга. Напротив, самозванцы и мифотворцы, всплывшие на волне возрождённого интереса к тому «героическому времени», сменили свои фамилии на Капоне, чтобы рассказать «настоящую правду», рассчитывая получить с неё неплохой доход.

И всё же речь идёт о реальном человеке из плоти и крови, незаурядном, многогранном, выходящем за рамки (во всех смыслах), но при этом являющемся порождением своей среды и своей эпохи. Поэтому из обрывков фактов и лоскутков красивых легенд постепенно складывается пёстрая, но яркая и красочная картина. Довольно неприглядная, надо сказать. Но вполне реалистичная.

Глава первая Нью-Йорк

Хлеб по рецепту Терезы Капоне¹

Палочку дрожжей раскрошить и залить ¼ чаши кипятка. Еще 1¾ чаши кипятка вылить в миску, добавить туда 2 ст. ложки сливочного масла, 2 ст. ложки сахара, 1 ст. ложку соли. Когда остынет, добавить разведённые дрожжи, 3 чаши муки и перемешать. (Мука должна быть свежая: через пару недель в ней заводятся жучки.) Постепенно всыпать ещё три чаши муки, продолжая мешать, пока тесто не перестанет липнуть к краям миски. Посыпать стол мукой, выложить тесто и месить руками, пока оно не станет мягким и эластичным. Смазать миску оливковым маслом, положить туда тесто, закрыть сверху и поставить на солнце подниматься, пока оно вдвое не увеличится в объёме. После этого порезать его ножом, накрыть и снова оставить подниматься. Затем разделить тесто на две равные части, придав им продолговатую форму, и выложить на противень. Духовку предварительно разогреть до 200 °С. Выпекать 45 минут, пока буханки не подрумянятся. Для получения традиционной хрустящей корочки оставить хлеб остывать на решётке в вытяжке, чтобы его со всех сторон оведало воздухом.

¹ Здесь и далее рецепты приводятся по книге Дейдре Марии Капоне «Дядя Аль Капоне» (Capone D. M. Uncle Al Capone: The Untold Story from Inside His Family. Recap Publishing Co.: Bonita Springs, Florida, 2015).

Маленькая Италия

«Chi lascia la via vecchia per la nuova, sa quel che lascia, e non sa quel che trova» – «Покидая старую дорогу ради новой, знаешь, что оставляешь, но не знаешь, что найдёшь». Название этой комедии Джузеппе Джакозы, написанной в 1870 году, в Италии вошло в пословицу, потому что с тех пор очень много людей проверили справедливость этого изречения на собственном опыте.

Несмотря на свою древнюю историю, Италия была молодым государством на политической карте Европы. Долгая борьба за объединение и независимость завершилась в 1871 году, когда король Виктор Эммануил II присоединил к Италии Рим и сделал Вечный город её столицей.

Эйфория от политических и военных побед быстро сменилась обеспокоенностью из-за экономического кризиса: Франция закрыла свой рынок для итальянского вина, США засыпали Европу дешёвой пшеницей, а цитрусовые поразил гоммоз. Цены на хлеб, вино, растительное масло резко упали, в то время как промышленные товары так же стремительно вздорожали, вызвав волну банкротств. На севере Италии крестьяне ели мясо раз в месяц, на юге – раз в год. Малые дети умирали сотнями тысяч из-за недоедания, антисанитарии и отсутствия врачебной помощи. В довершение всех бед в Неаполе в 1884 году разразилась эпидемия холеры, которая за три года унесла 55 тысяч жизней – помимо сорока тысяч человек, умиравших в год по всей стране от малярии, и ещё ста тысяч – от пеллагры.

Кроме того, административная система погрязла в коррупции, всей экономической и политической жизнью Неаполя заправляла каморра, а проще говоря, организованная преступность. Ловкие, дерзкие и беспринципные буржуа (высшая каморра), опиравшиеся на безжалостную силу наёмных убийц (низшая каморра), подмяли под себя и государственную бюрократию, действуя по принципу «ты мне, я тебе», и запуганное население. Законы попирались, права и свободы не соблюдались. Буквально все – от рабочего, желающего получить место на фабрике, до промышленника, стремящегося сделать политическую карьеру, – должны были получить «одобрение» местного криминального авторитета. Вот что представляла собой «старая дорога».

Начиная с 1880-х годов количество итальянцев, покидающих родину в поисках лучшей доли, неуклонно росло. Чтобы как-то сдержать этот поток, в декабре 1888 года был принят закон, запрещающий замужним женщинам уезжать без согласия мужа и устанавливавший меры контроля, чтобы мужчины не могли эмигрировать, уклоняясь от воинской обязанности. И всё же за последнее десятилетие XIX века из страны уехали полмиллиона человек. Большинство направлялись в соседние Францию или Швейцарию, пересекали Средиземное море и оседали в Северной Африке. Но немало было и таких, кто решался на путешествие через океан – в Аргентину, Бразилию, Канаду и США. Одно время население бразильского Сан-Паулу наполовину состояло из итальянцев, но Южную Америку тоже сотрясали кризисы. Взгляды эмигрантов всё чаще обращались к «стране великих возможностей», где правил «всемогущий доллар». Если в 1885–1895 годах в США уезжали в среднем 35 тысяч итальянцев в год, в следующем десятилетии этот показатель вырос до 130 тысяч. Цель у всех была одна: разбогатеть. Некоторые пересылали большую часть заработка семье, оставшейся на родине, а потом, скопив долларов пятьсот, а лучше тысячу, возвращались. Другие уезжали целыми семьями, навсегда.

«Следует отметить, что подавляющее большинство итальянцев прибывают из Южной Италии, из-за крайней нищеты жителей, которые не могут там заработать больше одной лиры в день, тогда как Америка обеспечивает им минимальный заработок в полтора доллара², – писал

² Это плата за неквалифицированный труд. Тот же автор сообщает, что американские квалифицированные рабочие полу-

в 1903 году французский журналист Л. Дельпон де Виссек в «Ревю блё». – Их иммиграция вызвана в гораздо большей мере экономическими причинами, чем желанием воспользоваться завоеваниями американской независимости и конституционными принципами, о которых эти крестьяне до приезда не имели ни малейшего представления. Покинуть родину их побуждают главным образом письма, которые они получают от родственников или друзей, преуспевших на новом месте. Кроме того, судоходные компании занимаются рекламой, посылают агентов в самые крохотные посёлки, разнося по ним слух, будто в некоторых американских штатах землю раздают даром. Плата за проезд составляет в среднем 112 франков (22,4 доллара по курсу того времени. – Е. Г.), и часто билеты заранее оплачены более состоятельными друзьями, желающими предоставить своим землякам возможность приехать». Тем не менее каждый эмигрант должен был иметь при себе сумму, равнозначную десяти долларам: голь перекатная в Америке была не нужна.

Что же ждало их там, на «новой дороге»?

«Я приехал в Америку, потому что мне рассказывали, что улицы там вымощены золотом, – признался один из итальянских иммигрантов конца XIX века. – По приезде я узнал три вещи. Во-первых, улицы золотом не вымощены. Во-вторых, улицы не мощёные вообще. И в-третьих, мостить их – мне».

Достигнув берегов США, итальянцы, как правило, не уезжали далеко, оставаясь в крупных портах и соседних с ними городах (Нью-Йорк, Бостон, Филадельфия, Новый Орлеан), а если там не находилось работы, пробирались в крупные промышленные центры – Чикаго, Сан-Франциско. Трудились на строительстве дорог, в шахтах; выполняли тяжёлую, низкооплачиваемую и грязную работу, от которой отказывались другие, или пытались найти свою нишу в сфере обслуживания: в «маленьких Италиях», возникавших в крупных американских городах, требовались пекари, повара, бакалейщики, цирюльники, башмачники и портные.

Путеводитель по Нью-Йорку 1898 года сообщал:

«Малберри-стрит, на южной оконечности [Нижнего Манхэттена], – узкая, тёмная и грязная. По обе стороны стенами стоят шестиэтажные многоквартирные дома, в немытые окна которых изредка пробивается свет ламп. Первые этажи заняты самыми разными лавками; ночью в них темно, но жёлтые и красные огни светятся на каждом углу, а то и в середине каждого квартала, указывая на допоздна открытые салуны. Вдоль бордюра, возле каждой второй или третьей входной двери, стоят повозки, а возчики и лошади скрываются где-то среди домов. Ещё только десять часов вечера, и на улицах полно людей; в какой-нибудь жаркий летний вечер туда вываливают все; половина спит в повозках, на ступенях крыльца, на дверях в погреб, куда матери приносят подушки или даже матрасы и укладывают детей; там они и спят всю ночь, – всё лучше, чем задыхаться внутри кошмарных ульев для отверженных людей.

Недавно здесь открылся Парк на месте, расчищенном от худших из этих убогих ночлежек, дав [кварталам] “Пойнтс” и “Бенд” доступ к свежему воздуху и зелёной траве. Там есть беседка, фонтаны и множество скамеек. Рядом – большое новое здание школы. Со всех сторон в летний вечер можно увидеть картинки, достойные мастерской художника. Вот вправо убегает улочка, и тусклые фонари фруктовой лавки отражаются в латунных пуговицах двух полицейских, наблюдающих за сценой, сильно смахивающей на ссору между несколькими низкорослыми, стройными и черноволосыми мужчинами, громко кричащими и бурно жестикулирующими. Не слышно ни слова по-английски – только грубый, гортанный итальянский. Воз-

можно, всё обойдётся словами, а может быть, блеснёт нож, раздастся крик и убийца кошкой ускользнёт, хотя полицейские стоят совсем рядом, потому что земляки помогут ему скрыться, чтобы потом начать вендетту и самим отомстить за себя. Мы идём дальше. Толпа становится гуще, мы продираемся сквозь неё. Трудно поверить, что это не Неаполь. Улица слегка отклоняется влево. Темнолицые мужчины и простоволосые женщины (кто-нибудь когда-нибудь видел, чтобы эти синьорины носили шляпки?) топчутся на тротуаре и сидят на порогах лавок, лежат в повозках или спуют в дверях дансингов, где сейчас танцы.

Давайте зайдём в этот погребок, который держит человек, чьё имя, если верить вывеске, почитается в Риме, и выпьем кружку пива. Это тёмное, прокуренное помещение, где полно итальянцев. Выглядят они свирепо, но по мне, так в их взглядах – только некое грубое любопытство. Пиво подают в кружках, куда вместится целая кварта, а стоит оно всего три цента, и если бы его получали не из гущи со дна бочонков из других салунов, хозяин бы разорился. Просто пригубим из вежливости и снова выйдем наружу. Это Малберри Бенд – самый неуправляемый рассадник преступности в городе. Впрочем, обычно там довольно тихо, поэтому мы поворачиваем назад и прогуляемся в вонючей тени Баярд-стрит (наихудшей части очень плохой улицы, названной в честь рыцаря без страха и упрека), не испытывая никакой тревоги, поскольку нам-то в Маленькой Италии вендетту не объявили».

Дельпон де Виссек дополняет это описание: «Во дворах домов сушится бельё на верёвках, протянутых от одного окна к другому, совсем как в Генуе или в Неаполе. На лавках итальянские вывески, и почти всё здесь из Италии. У них есть свои церкви, свои газеты, свой театр, свои банки, это город в городе; каждой провинции отведена определённая территория, и неаполитанцы не смешиваются с калабрийцами или сицилийцами. Юная итальянка почти никогда не выйдет замуж за американца и не покинет квартал своих земляков, которые всегда на страже и крайне ревниво относятся к чужаку, приблизившемуся к ней, – настолько развит в них кастовый дух».

Габриэле Капоне, вздумавший попытаться счастья за океаном и стать американцем, вероятно, уже кое-что слышал о «Маленькой Италии», поэтому решил держаться подальше от Малберри-стрит. Его соотечественники привезли туда с собой и то, что любили – кухню, песни, манеру общаться, и то, от чего бежали – нищету, грязь, невежество, привычку жить не по законам, а «по понятиям».

Габриэле родился в посёлке Ангри, в провинции Салерно области Кампания, на юге Италии, в семье Винченцо Капоне и Марии Калабрезе, и был крещён 12 декабря 1865 года в церкви Святого Иоанна Крестителя. В той же церкви 27 декабря 1870-го крестили Терезу Райола, дочь Рафаэле Райола, которая 25 мая 1891 года стала его женой. У Терезы были три старших сестры-монахини и брат-священник; сама она тоже поступила послушницей в монастырь, однако быстро поняла, что такая жизнь не для неё, и не стала приносить обеты. Скорее всего, жениха ей подыскали родители. Сведения о его профессии разнятся: так, Дейдре Бэр в своей книге об Але Капоне пишет, что Габриэле изготавливал тесто для макаронных изделий, а внучатая племянница Аля, Дейдре Мария Капоне, ссылаясь на рассказы своей прабабушки Терезы, утверждает, что Габриэле был брадобреем, Тереза же выпекала хлеб на продажу. Как бы то ни было, они принадлежали, скорее, к среднему классу и были грамотными. 28 марта 1892 года у супругов Капоне родился первенец, которого называли Винченцо в честь деда со стороны отца. Вскоре после его рождения семья переехала в Каstellамаре ди Стабия – посёлок к югу от Неаполя, откуда открывался вид на Везувий. Там родился второй сын, Рафаэле, получивший имя деда со стороны матери.

Вероятно, дела у молодой семьи тогда шли уже не слишком хорошо, раз возникла мысль об отъезде. Тем не менее, когда в июне 1895 года Капоне в последний раз бросили взгляд на родные берега с палубы парохода «Верра» немецкой судоходной компании «Норддойчер Ллойд», отправлявшегося из Неаполя в Нью-Йорк, Тереза снова была беременна.

К тому времени уже немало земляков Габриэле и Терезы переселилось на берега Гудзона; некоторые тоже носили фамилию Капоне, но близких родственников среди них не было. Молодую семью (Габриэле было 29 лет, Терезе 24, Винченцо – три года, Рафаэле – год) в Америке никто не ждал, у них не было поручителя, не было угла, где можно гарантированно приткнуться, что, в общем, свидетельствовало о некоторой самоуверенности её главы. Денег у Капоне было в обрез: Терезе купили билет во второй класс, чтобы она с малыми детьми могла совершить шестнадцатидневное путешествие, с заходом в Мессину и Палермо, в мало-мальски комфортных условиях; Габриэле, скорее всего, плыл третьим классом, на нижней палубе. Вот как американский фотограф Альфред Штиглиц вспоминал о поездке на «элегантном и просторном» пароходе «Кайзер Вильгельм II» той же самой компании в 1907 году:

«900 пассажиров третьего класса... скучены практически как скот, из-за чего гулять по палубе в хорошую погоду абсолютно невозможно, как невозможно и дышать чистым воздухом под ней в плохую погоду, когда люки задраены. Зловоние становится непереносимым, и многие эмигранты... предпочитают опасности шторма вони внизу. Разделение на мужчин и женщин строго не соблюдается, и молодые женщины, помещённые вместе с семейными пассажирами, не могут уединиться и совершенно незащищены.

Отвратительную еду разливают из огромных чайников в обеденные баки, предоставляемые паровой компанией. Когда её раздают, начинаются страшная толкотня и давка... В целом перевозку людей на нижней палубе на современных кораблях следует запретить... Возьмите, например, каюту второго класса, которая стоит примерно вдвое дороже места на нижней палубе, а иногда и не так дорого, однако пассажир второго класса... получает каюту вшестеро просторнее, гораздо лучше расположенную и хорошо защищённую от ненастной погоды. В одной каюте спят два-четыре человека, там удобная мебель, тогда как на нижней палубе в одном отделении 200–400 человек спят на койках, подвешенных одна над другой, там темно и никаких удобств. В каюте второго класса еда превосходна, её подают в роскошно обставленной столовой, она хорошо приготовлена и стол хорошо сервирован, тогда как на нижней палубе безвкусную пайку выдают ещё менее учтиво, чем бесплатный суп.

Третий класс следует запретить законом... На многих судах даже воды для питья не получить, на пароходе «Стаатендам» четыре года назад мы в буквальном смысле слова воровали воду для нижней палубы из каюты второго класса – конечно же, по ночам. Хлеб был часто абсолютно несъедобным, в особенности на «Бисмарке» компании «Гамбург америкэн лайн», пять лет назад, и разъярённые эмигранты швыряли его в воду».

Надо полагать, что двенадцатью годами ранее условия были ничуть не лучше.

С 1892 года всех эмигрантов направляли для прохождения контроля и осмотра на остров Эллис, где 1 января торжественно открыли трёхэтажное деревянное здание с пристройками, в которых размещались необходимые службы. В тот день у причалов пришвартовались три больших парохода и по сходням спустились семь сотен эмигрантов. Самой первой из них, семнадцатилетней ирландке из Корка Энни Мур, приехавшей с братьями к родителям, вручили золотую монету в десять долларов – это была самая крупная сумма денег, какую ей когда-либо доведётся держать в руках. За первый год через пропускной пункт на острове Эллис прошло почти 450 тысяч эмигрантов, за пять лет – около полутора миллионов, а 15 июня 1897 года он сгорел. Жертв не было, но в огне погибли записи о прибывших аж с 1855 года. Поэтому документальных сведений о прибытии Габриэле Капоне в американскую «землю обетованную» нет, а есть лишь упоминание о Терезе с детьми. Это можно объяснить тем, что иммиграционные службы работали со списками пассажиров, предоставляемыми паровыми компаниями, и пассажиры первого и второго класса в них были указаны точно, а с пассажирами третьего класса могли возникнуть недоразумения. В нескольких биографиях Аля Капоне говорится,

что его отец приехал в США первым, через Канаду, а Тереза с детьми – потом, сразу в Нью-Йорк. Но это утверждение кажется неправдоподобным. Если причиной разделения семьи было отсутствие средств, то какой смысл тратиться на более долгую и дорогую дорогу через Канаду? И если Габриэле уехал на полгода раньше, как могла Тереза к моменту прибытия в США быть на третьем месяце беременности?

Вновь прибывшие отвечали на простые вопросы и проходили медицинский осмотр. Больных и увечных могли сразу отправить обратно. К тому же врачи той поры, например хирург из Чикаго Юджин Соломон Тэлбот, полагали, что преступные наклонности передаются по наследству и в большинстве случаев связаны с телесными дефектами; профессор криминальной антропологии Джордж Лидстон видел в таких дефектах главное доказательство предрасположенности к совершению преступлений. Итальянцев, возможно, проверяли особенно тщательно: «В тюрьмы в основном попадают итальянцы; ирландцы, русские и чехи – в богадельни; меньше всего там шведов и датчан», – пишет Дельпон де Виссек в той же статье об эмиграции. Под «русскими», скорее всего, понимаются евреи из России. Журналист уточняет, что добрая треть иммигрантов, не преуспев в Америке, через год обращается с просьбой о репатриации; чаще всего это касается евреев, которые либо обогащаются, либо умирают с голоду.

Габриэле Капоне, естественно, надеялся на первый исход. Благополучно пройдя контроль, семья направилась не на Манхэттен, в «Маленькую Италию», а в Бруклин, в район военно-морской верфи, – по слухам, жизнь там была дешевле. Там и появился на свет маленький Сальваторе – первый Капоне, родившийся на американской земле.

Бруклин

В 1895 году Бруклин ещё был отдельным городом, четвёртым по величине в США; его население составляло около 840 тысяч человек. Тогда уже шёл процесс его включения в Большой Нью-Йорк, которому активно противилась главная местная газета «Бруклин дейли игл»; в 1898-м Бруклин всё же станет одним из «боро» – административно-территориальной единицей наряду с Манхэттеном, Бронксом, Квинсом и Статен-Айлендом. Это был маленький Вавилон: здесь жили ирландцы, немцы, «даго» (так называли всех смуглых и черноволосых, исказив испанское имя Диего; по большей части это были итальянцы), словаки, хорваты. Ирландская беднота, которая раньше стояла на низшей ступени социальной лестницы, понемногу ассимилировалась благодаря владению английским языком и поднялась на ступеньку выше; теперь ирландцы уже не соглашались выполнять за гроши тяжёлую и грязную работу (строить подземку, прокладывать дороги, чистить канализацию), и за неё брались итальянцы. Многих уже в порту вербовали на шахты, каменные карьеры или фермы. Оставались ещё мелкая торговля, швейные мастерские, где работали женщины и девушки³, табачные фабрики по производству сигар; но там итальянцам сильную конкуренцию составляли евреи из России, Австро-Венгрии и Румынии. Китайцев же в Америку перестали пускать после принятия соответствующего закона 1882 года.

Чтобы открыть свою лавку, требовались деньги, которых у Капоне не было. На первом этапе жизни в Америке итальянские эмигранты старались устроиться на работу к «падроне» – как правило, тоже итальянцам, которым уже удалось встать на ноги. «Падроне» были либо мелкими ремесленниками, либо посредниками между крупными подрядчиками и рабочими. Обычно «падроне» сдавали своим работникам жильё и, по их желанию, открывали для них счёт в банке или пересылали деньги семье в Италию. «Падроне, – сообщает Дельпон де Виссек, – оказывает им множество услуг, но обычно это нечестный человек. Он взимает большие комиссионные с их жалованья, точной суммы которого они порой и не знают. Контора его самая примитивная, бухгалтерия там порой ведётся мелом на стене. Несмотря на эти злоупотребления, итальянцы обращаются к нему из-за своего невежества. Они чувствуют себя неловко с американскими хозяевами и не любят иметь с ними дела. Когда падроне слишком уж зарывается, вендетта делает то, что положено, и боязнь удара ножом – единственное, что его сдерживает».

Габриэле Капоне повезло: он смог устроиться приказчиком в бакалейную лавку, потому что умел читать, писать и немного говорил по-английски. Чтобы сводить концы с концами, Тереза брала на дом сдельную работу для галантерейных фабрик. Она английским не овладела и жила в крохотном семейном мирке; выйти за пределы квартала для неё называлось «сходить в Америку». Нейви-стрит, где они поселились в съёмной квартирке, была гиблым местом: притоны, кабаки, бордели, воровство, грабежи, драки с матросами... Однако терпение, упорный труд и самоограничения принесли свои плоды: к 1899 году Габриэле смог открыть собственную цирюльню, перебравшись в куда более пристойный район – на Парк-авеню, в дом 69. Первый этаж занимала лавка, а на втором жила семья. Именно в этом доме 17 января 1899 года родился Альфонсо – первый Капоне, зачатый на американской земле. Три старших мальчика спали в одной постели, а младенец – в спальне родителей.

К тому времени социологи уже вывели непреложный закон: рост населения обратно пропорционален его плотности. Нью-Йоркские аристократы, обитавшие в просторных особняках

³ Труд был очень тяжёлым и небезопасным. 6 декабря 1907 года на шахте в городке Мононга в Западной Вирджинии произошла крупнейшая авария, в которой погибли 956 рабочих, в том числе более пятисот итальянцев. 25 марта 1911 года в Нью-Йорке загорелась швейная мастерская, расположенная на верхних этажах жилого дома, где в нечеловеческих условиях работали около полутысячи женщин, которых запирали снаружи. Среди 146 погибших были 39 итальянок.

и наслаждавшиеся жизнью, как правило, имели мало детей, а вот иммигранты в своих трущобах плодились, как кролики. В 1890 году, согласно переписи, средний показатель рождаемости среди белого англосаксонского населения составлял 2635 детей на сто тысяч человек, а среди итальянских эмигрантов – 3829. Теодор Рузвельт, ставший в 1901 году 25-м президентом США, вскоре забьёт тревогу по поводу грядущего «самоубийства расы», призывая англосаксов отказаться от контроля над рождаемостью и поддерживать воспроизводство «коренного» белого населения. В том же 1901 году у Капоне родился ещё один сын, Эрминио, а Тереза всё не сбавляла обороты: она хотела дочь. Но с этим ей не везло: после, возможно, нескольких выкидышей или неудачно закончившихся родов, в 1906 году на свет появился Умберто, названный в честь сына итальянского короля Виктора Эммануила III.

По данным Статистического бюро США, в 1895 году пекарь в штате Нью-Йорк, работая больше шестидесяти часов в неделю, получал два-три доллара в день. В 1897-м цирюльники в штате Колорадо зарабатывали в среднем 15,65 доллара в неделю, при этом домашние расходы семейных брадобреев составляли (опять же в среднем, для семьи из четырёх-пяти человек) 53,71 доллара в месяц. По Нью-Йорку данных нет, но Дейдре Мария Капоне пишет, что Габриэле зарабатывал десять долларов в неделю – меньше, чем в Италии, а за квартиру на Парк-авеню надо было платить четыре доллара в месяц, да и уголь был очень дорог. Как прокормить на такие деньги быстро растущую семью? Капоне теперь уже сам стал «падроне»: в его цирюльне работал ассистент, а с одного-двух жильцов брали арендную плату. Тереза по-прежнему подрабатывала шитьём, а старшие мальчики, которые весь день проводили на улице, не гнушались мелкими кражами с лотков зеленщиков и прочих торговцев; мать не спрашивала, где они раздобыли «приварок» к семейному обеду. Отец был более строгих правил, он хотел, чтобы его дети выросли порядочными людьми и зарабатывали на хлеб честным трудом. А для этого надо получить образование.

Начальное образование в США было обязательным; все дети старше шести лет отправлялись в школу, главной задачей которой было американизировать юную поросль иммигрантов. Намерение прекрасное: дать всем равные возможности на заре жизни. Никакой дискриминации: последние «школы для цветных» закрылись в 1900 году; девочек обучали наравне с мальчиками. Дельпон де Виссек продолжает свой рассказ:

«Нью-Йорку пришлось вооружиться надёжной системой начального образования, чтобы противостоять потоку невежества и нравственных изъянов, который изливает на него Европа, поскольку добрая часть эмигрантов, сходящих на берег в его порту, там и остаётся. В некоторых школах Ист-Сайда учатся по большей части дети иностранцев. Для них установлена строгая, почти военная дисциплина. Принципы гражданственности, дух американской Конституции преподаются им с особым тщанием. Каждое утро, по прибытии, проводится торжественная церемония – подъём американского флага под сопровождение патриотических песен; держать звёздно-полосатый флаг – большая честь, которой стремятся удостоиться маленькие итальянцы. Дети, которых так воспитывают, впоследствии станут добрыми гражданами США; школа навсегда отделила их от страны их родителей, и к третьему поколению они даже не будут знать её язык».

Но эти великие замыслы пока ускользали от понимания многодетных матерей, относившихся к школам более утилитарно. Как писала одна нью-йоркская газета того времени, «значительное число матерей заявляют без колебаний, что детям не старше четырёх лет – более шести. Многие матери иностранного происхождения, слабо представляя себе цели государственных школ, каждый год пытаются заставить школы играть роль дневных яслей». Иными

словами, школы им были нужны для того, чтобы дети находились под присмотром, не путались под ногами и не хулиганили на улице.

В 1902 году типичную нью-йоркскую школу посещали три тысячи детей, в классах было по сорок человек и более. Помимо патриотического воспитания их учили читать, писать, считать – и всё. Единственным языком обучения был английский. Учебников, тетрадей и прочих школьных принадлежностей часто не хватало, зато учеников регулярно обследовали врачи, а заболевших сразу изолировали. Дети постарше могли изучать другие предметы (естественные науки, историю), посещать кружки по интересам, заниматься рукоделием – если в школе находились учителя-энтузиасты. В целом же в государственных школах обычно преподавали молодые неопытные учителя, изнемогавшие под бременем свалившихся на них забот и отнюдь не горевшие желанием посвятить свою жизнь педагогике. Возиться с итальянцами, которые родились на дне и там же останутся, не имело смысла. Иммигранты не особо стремились перенять американский жизненный принцип: стань лучше, чтобы сделать лучше свою страну. Их целью было извлечь максимальную выгоду из системы, созданной другими, не меняясь при этом самим. Школа вовсе не отделяла их от семьи и от землячества, где по-прежнему говорили на итальянском.

Главным недостатком школ, который подмечают современники, было отсутствие при них игровых площадок. Загнав юных американцев в рамки строжайшей дисциплины, для них не предусмотрели никакой отдушины. Маленький сорванец не мог поиграть в мяч – а вдруг разобьёт стекло? Нельзя было бегать, чтобы не сшибить кого-нибудь с ног. Кричать тоже нельзя – шум мешает другим. На перемене оставалось стоять у стенки, засунув руки в карманы, и предаваться мрачным мыслям. Стоит ли удивляться, что юные непоседы из Бруклина охотно прогуливали школу?

В 1903 году открылся Вильямсбургский мост, соединив Гранд-стрит в Бруклине с Бродвеем на Манхэттене. 16 мая того же года в Бруклине, на Кони-Айленде, состоялось торжественное открытие Луна-парка: семидесятиметровая Электрическая башня, окружённая фонтанами, здания аттракционов в восточном стиле и два цирка засияли на закате тысячами огней, и 60 тысяч посетителей устремились внутрь: входной билет стоил 10 центов, билеты на аттракционы – 10–25 центов. Год спустя рядом заработал парк развлечений «Дримленд»⁴, в четыре раза больше по размеру, где, наряду с «шоу уродов» и «человеческим зоопарком» (деревней лилипутов), можно было посетить спектакли на нравственные темы, покататься по каналам на венецианской гондоле и посмотреть выступление укротителя с дикими зверями. А ещё в городе был кинематограф. Столько соблазнов... Винченцо обожал фильмы про ковбоев и часто ошивался на Кони-Айленде у загонов с пони – на то, чтобы покататься, у него не было денег. Он вообще был артистической натурой. Один из постояльцев Капоне обучил его игре на скрипке. Однажды отец зашел днём домой и застал там старшего сына, который музицировал, вместо того чтобы находиться в школе! Габриэле Капоне разгневался и переломил скрипку о колено.

В 1906 году отец семейства принёс клятву верности Соединённым Штатам Америки, сдал тест на знание английского языка, истории и законов США и получил американское гражданство. Теперь он убрал одну букву из своего имени (Gabriel вместо Gabriele) и добавил одну букву к имени жены (Theresa вместо Teresa), чтобы они выглядели более американскими, а свою фамилию стал произносить на английский манер – Капоун (что не мешало всем прочим читать её как «Капони»). Год спустя семья снова переехала – в квартал Гарфилд-плейс, на недавно застроенную улицу на окраине парка. Двух-трёхэтажные дома в новомодном стиле ар-деко, с эркерами и закруглёнными сверху оконными проёмами, находившиеся ближе к центру, выглядели элегантно и даже роскошно, но Капоне поселились в доме 38 – простой кирпичной коробке. К окну спальни на втором этаже вела внешняя пожарная лестница – это было новое

⁴ Сгорел 27 мая 1911 года.

требование безопасности, предъявляемое к строителям. Тот же закон предписывал наличие в каждом доме ватерклозетов, так что уже не надо было бегать в отхожее место во дворе. Жизнь налаживалась.

Чтобы в полной мере осознать перемену в уровне жизни Капоне, приведём отрывки из доклада Бюро иммиграции конгрессу США, представленного в 1912 году. Об итальянцах там говорилось следующее:

«Они обычно небольшого роста, смуглые. Не любят воду; от многих из них воняет, потому что они неделями не меняют одежду. Они строят себе бараки из дерева и алюминия на окраинах городов, где живут, и держатся друг друга. Когда им удаётся перебраться поближе к центру города, они снимают за большие деньги аварийное жильё. Сначала они приходят вдвоём и арендуют комнату с кухней. Через несколько дней их становится четверо, шестеро, десятеро. Они говорят на непонятных языках. <...> Множество детей посылают просить милостыню, и часто возле церквей женщины, одетые в чёрное, и пожилые мужчины вызывают к состраданию жалобными голосами. Они рожают много детей, которых им трудно прокормить, и очень дружны между собой. <...> Говорят, что они регулярно занимаются воровством, а рассердившись, прибегают к насилию. Наши женщины их обычно избегают – не только потому, что они дикие и непривлекательные, но и потому, что они обычно насилюют женщин, которые возвращаются с работы по пустынным улицам. Наши политики слишком широко раскрыли двери на границе, а главное – не сумели отделить тех, кто приезжает в нашу страну работать, от тех, кто хочет перебиваться, чем придётся, или заниматься преступной деятельностью».

В заключение Бюро рекомендовало принимать невежественных и «умственно отсталых», но работающих и неприхотливых выходцев с севера Италии, а уроженцев юга из соображений безопасности массово отправлять восвояси.

На Гарфилд-плейс жило много итальянцев, однако новая улица граничила с владениями ирландцев, и дом, где поселились Капоне, был населён в основном ирландскими иммигрантами и даже коренными ньюйоркцами. По вечерам дон Габриэле читал итальянские газеты или ходил в «клуб» по соседству, где играл в карты или на бильярде. Донна Тереза каждый день отправлялась к мессе, а по вечерам женщины из её прихода часто устраивали собрания. Мальчики же забывали дорогу в церковь сразу после первого причастия.

В Бруклине только сицилийцы держались особняком; «даго» смешивались с «американцами» – ирландцами, немцами, выходцами из Восточной Европы, – общаясь на особом жаргоне, слепленном из усвоенного в школе английского и вкраплений самых разных языков или диалектов. Дома мальчиков Капоне звали по именам, данным им при крещении, но на улице Винченцо превращался в Джима, Рафаэле звали Ральфом, Сальваторе – Фрэнком, Альфонсо был Аль, Эрминио – Джон (иногда Мими), Умберто – Альберт.

Лидером среди братьев был Фрэнк – красивый, умный и очень заботившийся о своей внешности. Если Ральф добивался желаемого кулаками, то Фрэнк чаще пускал в ход обаяние. Но выжить на улице, не умея драться, было невозможно: там царил закон силы.

Ирландские мальчишки часто дразнили итальянских женщин, когда те шли за покупками или в церковь: задирали им юбки, выставляя на всеобщее обозрение скрытые под ними панталоны. Не встречая отпора, они совсем обнаглели: проникали вглубь «итальянской территории», брали, что плохо лежит, а то и просто били стёкла. Требовалось показать им, кто в доме хозяин. Франческо Нитто, которому было почти восемнадцать, собрал отряд из маленьких драчунов – «ребят с Нейви-стрит». Восемилетнему Аллю Капоне повесили на шею таз и

дали в руки две палочки: он будет барабанщиком, и под выбиваемый им ритм приятели пойдут на врага. Пока вокруг бушевала драка, Аль продолжал стучать в «барабан» и петь: «Мы ребята с Нейви-стрит, попробуй только тронь!» После схватки таз вернули владелице – синьоре Адамо, а Аль заслужил себе репутацию надёжного парня.

В 1908 году произошла история, коренным образом изменившая жизнь старшего сына Капоне. Во время очередной драки итальянцев с ирландцами Джим (Винченцо) увидел, как один из «реднеков»⁵ приставил нож к горлу девятилетнего Альфонсо. Бросившись на помощь к брату, Джим сильно толкнул противника; тот, падая, разбил стекло витрины. Парень остался лежать, а Джим, испугавшись, убежал домой. Вскоре Ральф, Фрэнк и Аль тоже вернулись. «Ты убил того ирландца», – сообщил брату Аль. Что скажут родители? Им не нужны проблемы. Выхода не оставалось: Джим сбежал из дома, пристроился к бродячему цирку на Кони-Айленде, а потом вместе с ним покинул Нью-Йорк. Много лет спустя он выяснит, что Аль тогда пошутил, желая попугать старшего брата. (Такую яркую историю приводит Дейдре Мария Капоне. Другие авторы, например Дейдре Бэр, утверждают, что Джим ещё в 1905 году сбежал в Голливуд, чтобы стать актёром.)

Тереза любила всех своих детей и многое им прощала, но похоже, что Джима-Винченцо никто и не пробовал искать, чтобы вернуть домой. Ему шёл семнадцатый год – вполне взрослый парень, способный позаботиться о себе. К тому же в 1908 году в семье Капоне снова появилось пополнение: родился Амадо. Скорее всего, родители планировали назвать сына Амадео (Amadeo), но в свидетельство о рождении его имя записали с ошибкой – Amadroe, и мальчик так и носил его до совершеннолетия, пока не сменил на Мэтью. Два года спустя на свет появилась долгожданная Эрминия, но умерла в младенчестве. Наконец, в 1912 году родилась Мафальда: ей дали имя в честь итальянской принцессы Мафальды Савойской (1902–1944). На этом Тереза сочла свою задачу выполненной. Мафальда станет гордиться своим королевским именем и сердиться, если её будут называть Маффи.

Отныне старшим сыном в семье был Ральф. Он бросил школу и поступил работать в типографию разнорабочим. Фрэнк тоже решил, что полученного образования ему достаточно. Отец купил ему ящик со щётками и ваксой и отправил на улицу – зарабатывать чисткой обуви; красавчик Фрэнк продал этот ящик другому мальчику с большой наценкой и после удачной сделки отправился в игорный дом. На выигрыш он приобрёл себе модную одежду ярких расцветок. Габриэле махнул на старших детей рукой; теперь вся его надежда была на Альфонсо.

Аль схватывал всё на лету и хорошо учился – на «четвёрки» (если достаивал школу своим посещением). Он бегло говорил по-английски и ловко управлялся с цифрами. Но основное своё «образование» он получал на улице – в школе жизни. К двенадцати годам он так вымахал, что выглядел на все шестнадцать. (Вопреки тому, что написано в докладе Бюро иммиграции, старшие мальчики Капоне были рослыми – около 1 метра 85 сантиметров.) Крупный, мускулистый, подвижный, он мог бы стать профессиональным боксёром или танцором, если бы не задиристый и вспыльчивый характер. Глядя на обаятельную улыбку на круглом лице и слыша мягкий и негромкий голос, было трудно поверить, что у Аля быстро менялось настроение и он в одну секунду переходил от дружбы к драке. Говорили, что десяти лет от роду Аль любил слоняться у верфей и задирали моряков, направлявшихся в бары и бордели. Тут уже начинаются легенды: то он дрался на кулачках с матросами вдвое старше себя и побеждал, то вместе с компанией такого же хулиганья швырял в них камнями и бутылками, а потом бросался наутёк, так что ни разъярённым матросам, ни полицейским никогда не удавалось его поймать. Вскоре он окончательно бросил школу.

Аль Капоне сам заявил как минимум однажды, что ушёл из школы после шестого класса, когда ему было четырнадцать. По некоторым сведениям, он даже не доучился до конца учеб-

⁵ Redneck (букв. англ. красная шея) – прозвище ирландцев, чья белая кожа быстро обгорала на солнце.

ного года: ушёл, хлопнув дверью, когда учительница решила его наказать за драку в классе (кто-то украл завтрак Аля, и тот потребовал его вернуть). По одной из версий, молодая учительница велела ему встать в угол в раздевалке – такого унижения «парень с Нейви-стрит» вынести не мог, по другой – пожилой учитель неосторожно встал между Алем и мальчиком, укравшим его завтрак, и удары достались ему. Вызов к директору оказался последней каплей. И только Дейдре Мария Капоне утверждает, что Аль всё же получил среднее образование, окончив старшую школу.

С 1910 года в США начали открывать больше школ старшей ступени. Свидетельство об окончании старшей школы становилось необходимым условием для получения работы во многих отраслях, поэтому в неё поступали уже не с прицелом на колледж, как раньше, а «для жизни». В старших классах можно было оставаться на второй год. И всё же для Капоне, обременённых малыми детьми, обучение сына в старшей школе было непозволительной роскошью. По разным свидетельствам, Аль помогал семье, зарабатывая всеми возможными способами: стоял за прилавком в магазине сладостей, расставлял кегли в боулинге.

Отец, прекрасно знавший о потасовках, мелких кражах и о тире в подвале клуба «Адонис», где Аль впервые взял в руки оружие, всеми силами старался направить сына на честный путь. Попытка номер два: Габриэле выдал ему ящик с ваксой и щётками и отправил на перекрёсток Юнион-стрит и Коламбия-стрит, велел устроиться под часами, на самом бойком месте. Разве мог он предположить, что с этого поста наблюдательный Аль приметит людей дона Батиста Бальзамо – «мэра» Юнион-стрит, «крёстного отца» Бруклина? Они обходили многочисленные лавки и магазинчики, собирая дань с их владельцев – плату за спокойную жизнь. Зачем чистить ботинки, когда можно обложить данью других чистильщиков? Увидев, какие деньги Аль зарабатывает под часами, на Коламбия-стрит стали подтягиваться другие мальчишки, создавая конкуренцию. Но Аль сумел сохранить свой заработок, став рэкетиром. Беря пример с брата Фрэнка, он уже знал, что грязную работу никогда не надо делать самому, желающие – постарше, но поглупее – найдутся всегда. Поэтому «точки» обходил не он, а два его кузена, Чарли Фискетти и Сильвестр Аголья, с двумя своими друзьями – Джимми де Амато и Тони Скрапизетти. Потом к ним примкнули и другие охотники до лёгких денег. Свою банду они называли «Саут Бруклин рипперс» – «Потрошители из Южного Бруклина». Правда, просуществовала она недолго: ребята дона Бальзамо попросту вышибли их со своей улицы пинком под зад, – но на всякий случай запомнили смышлёного и дерзкого парня, быстро усвоившего их приёмы.

Аль стал работать вместе с Ральфом в типографии. Документально подтверждено, что в 1914–1916 годах Аль Капоне резал там картон для коробок, принося домой три доллара в неделю. (Сам он впоследствии утверждал, что проработал в картонажном цехе семь лет.) Это было большое подспорье, потому что 21-летний Ральф теперь должен был содержать жену: 24 сентября 1915 года он женился на семнадцатилетней Филумене Мускато, уроженке Салерно, называвшей себя Флоренс. Родители увезли её в Америку совсем маленькой. В семейном архиве Капоне сохранилась фотография, датируемая 1915 годом, на которой Ральф в твидовом костюме, белой рубашке и галстукe, с зачёсанными назад напояженными волосами сидит перед трюмо с картами в руках и отрабатывает «выражение лица для покера». Понятно, что не зарплата, которую он получал в типографии, была главным источником его доходов. Иногда он давал кое-какие поручения Алю: сходи туда, передай то, – а потом отстёгивал ему пару баксов. Ко времени свадьбы Ральф успел переболеть гонореей, подцепив её от проститутки (два доллара за визит). Для шестнадцатилетнего Аля женщины тоже больше не были загадкой. Чему он мог научиться в школе?

В Бруклине и Нижнем Манхэттене было множество «клубов», носивших названия итальянских провинций, городов или героев, где мужчины собирались по вечерам, чтобы почитать газеты, сыграть на бильярде и просто пообщаться. Законопослушные граждане обходили

стороной эти места, служившие пунктом сбора для недоброго вида здоровяков, торчавших там целый день и далеко за полночь, всегда готовых отправиться «на дело» по первому слову своего босса. В хорошую погоду они высыпали на тротуары, и тут уж их было невозможно не заметить. Аль знал, кто они такие, ещё когда учился в школе, а в 16 лет набрался храбрости и поднялся на второй этаж «клуба» Джона Торрио, где размещалась контора. Ему устроили собеседование и взяли на работу: он, наряду со множеством других подростков, собирал деньги по букмекерским конторам, находившимся под «крышей» банды из «Пяти углов», и приносил их боссу.

«Пять углов»

Энтони-стрит (ныне Уэрт-стрит), Кросс-стрит (ныне Моско), Оранж-стрит (ныне Бакстер) и несуществующая сегодня улочка Литл-Уотер образовывали пятиугольник, к которому с севера примыкала «Маленькая Италия» (на месте обоих этих кварталов ныне находится Чайнатаун). С востока – Бауэри, с запада – Бродвей. Это был трущобный район, где испокон веков селилась беднота – англичане, шотландцы, ирландцы... Бывшие склады и лавки, построенные из дерева и кирпича, переделывали под жилые помещения. Чарлз Диккенс, бытописатель лондонского дна, находясь в 1842 году в Нью-Йорке, не преминул посетить этот квартал (в сопровождении двух полицейских) и потом оставил его пространное описание в «Американских записках» – даже он, выросший в нищете, был поражён. С годами ситуация менялась к лучшему, но ненамного: Авраам Линкольн, побывавший в «Пяти углах» («Файв-Пойнтс») в 1860 году в рамках своей предвыборной кампании, открыл здесь воскресную школу. Миллионер Джон Д. Рокфеллер, перевёзший в 1883 году свою семью из Кливленда в Нью-Йорк, привёл её сюда в День благодарения и сделал пожертвование на приют для бездомных, хотя и не одобрял бесплатной раздачи еды для бродяг. «У меня такое впечатление, что они это делают только раз в год. Я бы предоставил им работу, чтобы они сами заработали себе на еду», – сказал он. Но слова словами, а жизнь жизнью. В последней трети XIX века коренное население «Пяти углов» было разбавлено волной новых иммигрантов – итальянцев и евреев из Восточной Европы. Найти постоянную и хорошо оплачиваемую работу было практически невозможно, оставалось кое-как перебиваться – не самыми достойными способами. На каждом шагу тут встречались игорные притоны и бордели, а по ночам прохожий рисковал наткнуться на грабителей.

На протяжении всей истории «Пяти углов» там шли гангстерские войны за контроль над территорией. В 1890-х годах итальянец Паоло Антонио Ваккарелли (он же Пол Келли) объединил остатки разгромленных «Дохлых кроликов» и прочих банд и командовал армией из полутора тысяч головорезов, устроив свою штаб-квартиру в дансинге «Нью-Брайтон». Они занимались грабежом, рэккетом и организованной проституцией, используя в качестве прикрытия легальные предприятия и оказывая «силовую поддержку» политической структуре Демократической партии – Таммани-Холлу, у которой были свои «клубы» в каждом районе Нью-Йорка. (Руководителей клубов Таммани называли боссами.) «Белое рабство» (проституция) было хорошо организованным бизнесом с годовым оборотом семь миллионов долларов. При этом банда «файвпойнтеров» сражалась не на жизнь, а на смерть с бандой Эдварда («Монка») Истмана, состоявшей преимущественно из евреев и насчитывавшей около 1200 человек. «Истманцы» тоже заправляли борделями, торговали наркотиками, крышевали предпринимателей и совершали заказные убийства. Городские власти закрывали на это глаза, поскольку бандиты оказывали политикам поддержку на выборах, силовыми методами добиваясь избрания нужных кандидатов. Однажды потасовки между соперничающими бандами переросли в крупную перестрелку под эстакадой железной дороги на Второй авеню. Однако в 1904 году Монк Истман, охотно пускавший в ход кулаки, угодил за решётку после обычного уличного ограбления. Его банда распалась на части, и «файвпойнтеры» стали хозяевами положения. Келли требовался помощник, и он обратил внимание на 22-летнего Джона Торрио по прозвищу Лис.

Донатو Торрио родился 20 января 1882 года в Южной Италии. Ему не исполнилось и двух лет, когда его отец, работавший на железной дороге, погиб в результате несчастного случая. В декабре 1884-го мать уехала вместе с ним в Нью-Йорк и там снова вышла замуж – за калабрийца Сальваторе Капуто, владельца бакалейной лавки, которому родила троих детей: Николаса, Изабеллу и Грейс. Донато, которого теперь звали Джоном, работал грузчиком в лавке отчима, яхшался с мелкими воришками, потом какое-то время был вышибалой на Манхэт-

тене, хотя и не отличался богатырским телосложением. Подростком он примкнул к уличной банде с Джеймс-стрит и быстро её возглавил; накопил денег, открыл бильярдную и превратил её в игорный клуб и ростовщическую контору. Пол Келли занялся его воспитанием: научил прилично одеваться, запретил материться – для всех он был бизнесменом. Торрио руководил законным бизнесом, а под его прикрытием – букмекерскими и ростовщическими конторами, борделями, угоном автомобилей и торговлей опиумом (по соседству с Леви – кварталом «красных фонарей» – находился Чайна-таун). В 1909 году Торрио значился менеджером боксёрского клуба «Саратога» из Саратога-Спрингс, штат Нью-Йорк (именно в этом качестве он упоминался в газетах); ставки на важных боксёрских поединках доходили до тысячи долларов. По спортивным делам он выезжал и в Чикаго.

В том же году в журнале «Макклюр» вышла статья Джорджа Кибба Тёрнера «Дщери бедноты: история развития Нью-Йорка как ведущего мирового центра белого рабства под властью Таммани-Холла». Статья имела большой общественный резонанс, и судья Томас О'Салливан учредил специальное Большое жюри для расследования ситуации под руководством Джона Д. Рокфеллера-младшего (судья надеялся, что тому не удастся добиться успеха, поскольку сам поддерживал Таммани-Холл). Члены Большого жюри подошли к делу очень ответственно; после опроса множества свидетелей и двух успешных операций по внедрению были произведены аресты нескольких «белых работаровцев». В общей сложности Большое жюри составило обвинительное заключение из 44 пунктов, но все труды пошли прахом: мэр Уильям Гейнор, хотя и был на ножах с Таммани-Холлом, спустил всё на тормозах, большинство обвиняемых были оправданы. В их числе был и Джон Торрио: главный свидетель по его делу отказался свидетельствовать против него в суде, хотя в газетных статьях прямо говорилось, что Торрио управляет тремя борделями.

Секс-индустрия получила ещё больший размах в Чикаго: некоторые из местных заведений имели международную известность. Например, когда прусский принц Генрих, брат кайзера Вильгельма, совершал в 1902 году поездку по США, в Чикаго его ожидали руководители крупных промышленных предприятий, устроившие бал в его честь. Однако принц с бала быстро ушёл, чтобы успеть побывать в клубе сестёр Эверли и насладиться обществом куртизанок, наряженных (на первом этапе) в костюмы фавнов. Джон Торрио считался племянником Виктории Мореско, хозяйки двух чикагских борделей, которая в 1902 году вышла замуж за Винченцо Колозимо, со временем превратившего её «мелкий бизнес» в целую «империю греха».

Винченцо Колозимо родился в 1878 году в поселке Колозими, в «носке» итальянского сапога. Ему было 13 лет, когда он приехал в Чикаго. Итальянцев в «Городе ветров» тогда проживало немного – 4,8 процента населения. Винченцо, принявший в Америке имя Джим, работал дворником. Метельщики носили белую униформу, и Колозимо объединил их в клуб «Белые крылья». Потом они создали свой профсоюз, а поскольку профсоюзы в Чикаго контролировала мафия, работников метлы взял под своё крыло местный авторитет из ирландцев – Большой Тим Мёрфи. Таким образом Большой Джим Колозимо оказался связан с мафиозной средой, а через неё – и с политической: олдермены (члены районного муниципального совета) Джон Коглин и Майкл Кенна (ирландцы) назначили его инспектором улиц и аллей. Женившись на Виктории, Колозимо собирал с борделей дань для Коглина и Кенны, получая от них свою долю. В пяти борделях, которые он контролировал, Большой Джим устроил игорные залы и установил игровые автоматы для привлечения клиентов.

В 1910 году около пяти тысяч женщин в Чикаго занимались проституцией, в городе было как минимум 29 публичных домов. Девушки отдавали половину заработанных денег хозяину (чаще хозяйке), но всё равно торговать своим телом было выгоднее, чем работать продавщицей, официанткой или горничной: у тех зарплата составляла чуть больше пяти долларов в неделю, тогда как в самом дешёвом борделе, где брали доллар за визит, проститутка зарабаты-

вала не меньше 25 долларов в неделю, причём работать приходилось не каждый день: обычно наплыв клиентов отмечался в субботу и воскресенье. В элитных же заведениях заработки были много выше – от 50 до 400 долларов в неделю. Завершив карьеру в таких «клубах», бывшие «девушки» порой открывали собственные заведения.

Кормились с этого бизнеса не только сутенёры и торговцы наркотиками (многие проститутки подсаживались на кокаин и морфий), но и политики. Минна Эверли, чьё чересчур популярное заведение было закрыто в октябре 1911 года по приказу мэра Картера Гаррисона-младшего, утверждала, что в целом квартал «красных фонарей» на 22-й улице Леви выплатил политикам за покровительство более 15 миллионов долларов за десять лет, а лично она с сёстрами – более ста тысяч. Каждую неделю владельцы борделей, игорных домов и подпольных салунов приезжали в назначенный день к Колозимо и платили ему, чтобы их не трогали. Ежедневная дань составляла от 10 до 200 долларов; часть Колозимо оставлял себе, а остальное распределяли между собой олдермены и полиция. Олдермены могли заставить подконтрольные заведения приобретать (по их ценам) виски, провизию, страховые полисы, одежду, а также пользоваться такси. Чтобы увеличить сборы, Коглин и Кенна устраивали Рождественский бал в чикагском Колизее («ежегодную оргию преступного мира», как было написано в одном правительственном докладе), который приносил им каждый раз не меньше 25 тысяч долларов.

В 1910 году Колозимо открыл прославившийся на всю страну «самый лучший итальянский ресторан в Чикаго», где гостям предлагалось поужинать за табльдотом (с шести до девяти вечера) всего за 1,25 доллара (к услугам более состоятельных клиентов было разнообразное меню) и потанцевать под живую музыку. Там можно было встретить миллионеров, оперных певцов, бандерш, местных политиков, а также самого радушного хозяина, который любил шумные компании, обильные застолья и, в отличие от остальных боссов мафии, не скрывал своего богатства, а, напротив, выставлял его напоказ. Теперь Большой Джим командовал крупнейшей в Чикаго бандой рэкетиоров, в которую входили итальянцы, евреи, ирландцы и представители других национальностей. Но в 1911 году на него самого наехали вымогатели из «Чёрной руки». Эта преступная ассоциация действовала с начала века в городах, где проживали итальянские общины: в Нью-Йорке, Филадельфии, Чикаго, Новом Орлеане, Детройте, Сан-Франциско, и в основном её жертвами становились именно преуспевшие соотечественники. Им присылали письмо с угрозой физической расправы, требованием выкупа и чёрным оттиском ладони вместо подписи. Получив такое письмо, Колозимо решил обратиться к нью-йоркскому родственнику (а скорее всего, просто земляку). Джон Торрио приехал и всё уладил: когда 22 ноября 1911 года вымогатель Феличе Данелло с братом Стефано и Паскуале Дамико приехали к железнодорожному переезду на Арчер-авеню, близ Кларк-стрит, чтобы забрать дань, их изрешетили пулями. В рапорте капитана чикагской полиции Патрика Хардинга эта троица значилась как «самая отчаянная банда Чёрной руки». Феличе и Паскуале погибли сразу, а Стефано протянул в больницу до 19 декабря. Он вызвал туда Колозимо, намереваясь что-то ему сказать, однако Большой Джим явился в сопровождении полицейских, и Данелло промолчал.

В Чикаго Торрио женился на еврейке из Ковингтона, штат Кентукки, Анне Теодосии Джейкоб, на семь лет его моложе. Жена даже не подозревала тогда, чем он занимается, для неё и общих знакомых он был мистером Фрэнком Лэнгли, бизнесменом. Каковы бы ни были его дела, каждый вечер Торрио ужинал дома с женой, ходил с ней в театр и в оперу. Итальянцы ещё больше уважали его за это: для них семья всегда стояла на первом месте.

С 1914 года Торрио был опорой Колозимо, обеспечивая защиту его бизнеса, и жил теперь на два города. Ему требовались способные помощники, чтобы не беспокоиться за дела в Нью-Йорке. «Кузницей кадров» для «файвпойнтеров» была группа «Младшие сорок разбойников», в которую входил и Аль Капоне. Он выделялся тем, что очень быстро и правильно складывал числа в уме и порой, сдав принесённый мешок с деньгами, помогал ребятам в конторе справиться с подсчётами. Этим он привлёк внимание «папы Джонни». Торрио же стал для Капоне

настоящим кумиром: всегда элегантный, учтивый, с внешностью эстрадного конферансье, но при этом умный, проницательный, хороший психолог. Аль понемногу знакомился с другими видами «бизнеса» Торрио, помимо букмекерских контор, и с радостью брался выполнять его поручения, которые с каждым разом становились всё ответственнее. От сбора ставок и передачи сообщений, за что Торрио неплохо платил, он перешёл к сбору дани с борделей (при этом можно было попользоваться услугами тамошних девочек), баров и лавок, даже перевозил оружие – в коричневых бумажных пакетах. Насилие – самый крайний способ убеждения, ведь под небом места хватит всем, учил его Торрио, который вообще был сторонником мирного решения проблем. Аль подолгу отрабатывал перед зеркалом суровый взгляд, который действовал на неплательщиков не хуже дула пистолета. Если же не действовал – у него были железные кулаки. При этом он всё ещё работал в типографии и каждый вечер должен был являться домой не позже половины одиннадцатого.

Среди криминальной молодёжи встречалось много талантов, например Лаки Лучано. При рождении он получил имя Сальваторе Лучана; его родители приехали в Нью-Йорк с Сицилии в 1907 году, когда их сыну, ставшему в Америке Чарлзом, было десять лет. Прозвище Лаки (Счастливчик) он получил, потому что выжил после неоднократных избиений до полусмерти в Нижнем Ист-Сайде. В 14 лет он бросил школу, несколько раз был арестован, а к 1916 году, когда ему шёл девятнадцатый год, зарабатывал тем, что защищал своих друзей-евреев от ирландцев и итальянцев, взимая с них за это по пять – десять центов в неделю. Возможно, именно тогда он и его приятель Мейер Ланский познакомились с Алем Капоне. Однако истинным наставником Аля – и непосредственным начальником в отсутствие Лиса – стал Фрэнки Йель. Разница в возрасте между ним и Алем составляла всего шесть лет.

Настоящее имя Фрэнки было Франческо Иоэле, но американцам такого в жизни не говорить. Родители привезли Франческо в США в 1900-м, когда ему было семь лет. Новое написание фамилии, совпадавшее с названием знаменитого университета, всех позабавило. Кстати, эту идею подал Джон Торрио, под крыло которого прибил Фрэнк. Работу же ему поручали совсем не интеллектуальную.

В 1910 году семнадцатилетний Фрэнки и его друг Бобби Нельсон, занимавшийся борьбой, сильно избили несколько человек в бильярдной на Кони-Айленде; Йеля оштрафовали на 70 долларов за нарушение общественного порядка. Через два года его арестовали по подозрению в убийстве, но отпустили. Фрэнки тогда принимал заказы на убийства, его гонорар доходил до десяти тысяч долларов, но это было невозможно доказать. Год спустя очередная драка на год привела его в тюрьму. В 1916-м против него выдвинули обвинения в грабеже и краже, но опять ничего не смогли доказать. Постепенно поднимаясь по карьерной лестнице в криминальной среде, Йель начал крышевать доставку льда в Бруклине (холодильников тогда не было), а накопив денег, купил в 1917 году двухэтажное здание на Кони-Айленде, на Сисайд-уолк, между Бауэри и Пляжем, и открыл там бар, назвав его «Гарвард Инн»⁶. Тонкий юмор: Йель – Гарвард. Аль Капоне работал там вышибалой, барменом, а также выполнял разнообразные поручения Фрэнки. Теперь и у него завелись деньги на добротные костюмы, дансинги, бега и прочие развлечения, хотя зарплатный чек он каждую неделю приносил матери. Она не задавала лишних вопросов.

Самая ранняя фотография, на которой запечатлён Аль, относится как раз к этому периоду: он, в костюме и при галстукке, выглядящий гораздо старше своих восемнадцати лет, сидит рядом с отцом, одетым по-летнему, у витрины бильярдной напротив их дома; рядом стоит родственник из Италии Винченцо Райола. В витрине отражается окно дома Капоне, в которое выглядывает Тереза, держа на руках младенца. Это сын Ральфа – Ральф Габриэль, родившийся 17 апреля 1917 года.

⁶ Сгорел 24 января 1925 года.

В семейной жизни итальянские иммигранты строго следовали традициям: дети почитали и беспрекословно слушались мать, муж оберегал честь своей жены; жена подчинялась мужу, её мир ограничивался кухней, детской и церковью. Девушки из «Маленькой Италии» стремились поскорее выйти замуж – за своих, итальянцев – и не представляли себе иного существования, чем у их родителей. Флоренс же успела стать «американкой»: ей нравилось ходить по барам и дансингам, она собиралась, пока молода, как следует насладиться жизнью, вместо того чтобы превратиться в наседку. Мужу она могла дать отпор и на словах, и на кулаках, так что порой оба ходили в синяках. Так продолжалось почти два года, а вскоре после рождения Ральфи Флоренс сбежала, бросив и мужа, и сына. (Развод будет оформлен только пять лет спустя.) Заботу о младенце приняла на себя бабушка Тереза (растившая пятилетнюю дочь и ещё двух сыновей-подростков), а Ральф в поисках заработка хватался за любую работу: обслуживал клиентов в типографии, ходил по домам, продавая грошовые страховые полисы, наконец, устроился на фабрику, где разливали безалкогольные напитки, и к нему прицепилась кличка Боттлз – Бутылки. Теперь, когда его семья распалась, он переселился на Манхэттен, чтобы больше не отчитываться перед матерью, где он был и с кем. Ночи он проводил с проститутками и девушками из дансингов, а также с друзьями из «файвпойнтеров», которые угоняли автомобили и продавали их целиком или на запчасти. Ральф был у них на подхвате и не гнушался ничем в погоне за лёгкими деньгами. Опорой семьи стал Аль.

Кони-Айленд

Фрэнки Йель сильно отличался от Джона Торрио. Вместо строгих деловых костюмов он носил яркие пиджаки, дорогие украшения и фетровые шляпы-федоры; один репортёр как-то назвал Фрэнки «бруклинским Красавчиком Браммеллом⁷», то есть законодателем мод. Алю нравился этот стиль. В зубах у Фрэнки была зажата толстая вонючая сигара – у него была собственная марка сигар, и на упаковке красовалась его улыбающаяся физиономия. Но главное – Фрэнки не стремился решать дело миром, ведь гораздо быстрее уладить все проблемы кулаком или пистолетом. Он был способен на добрые поступки, например помогал землякам-итальянцам, подкидывая самым бедным еды, угля или денег. Однажды он возместил ущерб владельцу ресторанчика, которого ограбили; когда один торговец рыбой потерял свою тележку, дал ему 200 долларов и посоветовал: «Купи себе лошадь, стар ты уже пешком ходить». Но в гневе он был страшен: один раз так отлупил своего младшего брата Анджело, который чем-то его рассердил, что тот попал в больницу. А когда два вымогателя прицепились к гардеробщику из ресторана по соседству, Фрэнки избил их до полусмерти.

В жизни, которую вёл Фрэнки, а теперь и Аль, было трудно предсказать, что произойдёт в следующую минуту. Однажды в «Гарварде», в 1917 году, Аль, желая сделать комплимент официантке – молодой итальянской девушке, – сказал, что у нее красивая попка; её брат, бывший тут же, воспринял это как оскорбление, разбил бутылку о край стола и этой «розочкой» полоснул Аля по левой щеке. (По другим версиям, он выхватил нож; но знатоки утверждают, что тройную рану можно было нанести только «розочкой», а ударить три раза ножом Аля, который был в полтора раза крупнее, нападавший не смог бы.) Братом оказался «файвпойнтер» Фрэнк Галуччо, поэтому Аль принёс ему свои извинения и (по совету старших товарищей) не стал требовать никакого возмещения ущерба. Шрам останется на всю жизнь, став особой приметой Аля Капоне.

Вскоре после открытия «Гарварда» Фрэнки Йель женился на Марии Делапия, которая со временем родит ему дочерей Розу и Изабеллу. Аль тоже встретил девушку своей мечты, совершенно не похожую на тех, с кем он общался раньше⁸.

Табельщицей в картонажном цехе работала ирландка Мэри Джозефина Коглин, которую близкие звали Мэй, – зеленоглазая, светлокожая шатенка с заливистым мелодичным смехом. У неё был неправильный прикус с выступающими вперёд верхними зубами, что придавало ей забавное выражение, особенно когда она улыбалась. Мэй родилась 11 апреля 1897 года и была второй из пяти дочерей: старшая, Мюриел Энн, стала её лучшей подругой, младшие – Вероника, Клэр и Агнес – тоже были очень дружны. Сразу после Мэй родился Уолтер, а самым младшим в семье был Дэнни. В 16 лет Мэй лишилась отца, Майкла Коглина, работавшего конторским служащим на железной дороге: он скоропостижно скончался от сердечного приступа, однако оставил после себя достаточно денег, чтобы вдове, Бриджет Горман Коглин, не было необходимости работать; правда, этим пришлось заниматься старшим детям. (Бриджет, приехавшую в Нью-Йорк с родителями из Ирландии, миновала доля служанки: вылетев из родного гнезда, она сразу вышла замуж и занялась обустройством собственного дома.) К шестнадцати годам обязательное образование завершилось, поэтому Мэй устроилась в картонажный цех на «чистую» работу и приносила домой неплохие деньги – около тысячи долларов в год. Сёстры Коглин получили хорошее воспитание: музицировали, читали, обладали хорошим вкусом и

⁷ Джордж Брайан Браммелл (1778–1840) по прозвищу Красавчик – лондонский денди; добился известности и влияния, создав новый стиль в одежде.

⁸ Некоторые люди, знавшие Капоне в молодости, после его смерти рассказывали, что Аль, обычно проводивший время с доступными девицами, посватался к одной приличной итальянской девушке, жившей на той же улице, что и он, но её отец не дал согласия на брак, рассчитывая на лучшую партию для дочери.

умели элегантно одеваться в условиях небольшого бюджета. Мэй была весёлая, жизнерадостная, умная, ценила хороший юмор и любила танцевать. В общем, понятно, почему восемнадцатилетний Аль в неё влюбился; но почему двадцатилетняя Мэй ответила ему взаимностью?

Ирландцы обычно женились на соотечественниках, как и итальянцы, но в отличие от них, рано обзаводившихся семьёй, с этим не спешили, считая, что прежде нужно как следует встать на ноги. Если девушки уставали ждать, они выходили замуж за англосаксов или за немцев, но уж никак не за нищих малограмотных итальянцев, от которых разило чесноком. Мэй насмотрелась на них на работе. Однако Аль резко выделялся среди своих земляков. И не только ростом, хотя для молодой жизнелюбки высокая мускулистая фигура тоже имела значение. Торрио как воспитатель успел достаточно много: Аль, наделённый природным обаянием, знал, как вести себя с женщинами, следил за гигиеной – после душа посыпался тальком, чтобы перебить запах пота, одевался хоть и ярко, отдавая предпочтение жёлтому и светло-зелёному цветам, но не аляповато, изящно двигался и хорошо танцевал. Кроме того, Мэй смогла разглядеть в нём родившие их черты: ум, целеустремлённость, желание добиться в жизни чего-то большего. Даже шрам на щеке не портил его в её глазах: в конце концов, синяки и шрамы – украшение мужчины. А его серо-зелёные глаза под чёрными дугами бровей казались неотразимыми не только ей. Жизнь «бунтарей» во все времена была окутана романтическим флёром, и в отношениях «девушки и хулигана» была своя прелесть. Возможно, Мэй инстинктивно тянуло к Аллю – есть вещи, которых не объяснить рационально. Во всяком случае сопротивлялась она недолго, и к лету 1918 года выяснилось, что она беременна.

Как честный человек Аль был готов жениться, но мать Мэй восстала против этого. Вот ещё – породниться с итальянской голытьбой! И потом, первая беременность может завершиться чем угодно; будет просто глупо связывать свою жизнь с отцом неродившегося или мертворождённого ребёнка. Пусть сначала дитя появится на свет, а там посмотрим.

В Ирландии согрешившую девушку услали бы куда-нибудь в глушь до родов, а ребёнка потом отдали в приёмную семью. Но здесь не Ирландия, и Мэй безапелляционно заявила, что этого не будет. Она по-прежнему жила в родном доме в Бруклине (Площадь 3, дом 117), а Аль – со своей семьёй, надеясь, что миссис Коглин изменит своё решение.

И Мэй, и Аль воспитывались в почтении к старшим, поэтому вели себя, как застенчивые подростки: встречались у Мэй, когда миссис Коглин не было дома, но не наедине – сёстры и Дэнни были в восторге от приятеля Мэй, расширившего рамки их привычного мирка. Уолтер тоже держался дружески, хотя и норовил уйти куда-нибудь по делам. Домашние посиделки проходили под музыку, а у Аля обнаружился красивый голос – как-никак итальянец. Но миссис Коглин, догадываясь, с кем связалась её дочь, боялась этого Капоне, хотя и не подавала виду. Поэтому, когда она скрепя сердце всё же смирилась с его визитами в свой дом, она держала себя сдержанно и учтиво, стараясь его не рассердить, – это могло кончиться бог знает чем.

В апреле 1917 года США вступили в Первую мировую войну, а в мае начал действовать закон о призыве на воинскую службу. Пуэрториканцам предоставили американское гражданство, чтобы они могли записываться в армию. Первый призыв, объявленный 5 июня, распространялся на всех мужчин в возрасте 21–30 лет. Таким образом удалось набрать в армию четыре миллиона человек. Летом следующего года два миллиона солдат отправились во Францию, и половина сразу попала на передовую. С этого момента подкрепления прибывали по десять тысяч человек в день; чтобы поддерживать такой ритм, 5 июня 1918 года прошла вторая волна призыва, распространявшаяся на мужчин, которым исполнился 21 год за последние двенадцать месяцев, а 24 августа третья – для тех, у кого призывной возраст наступил после 5 июня 1918-го. В сентябре 1918 года Аль зарегистрировался как призывник, хотя ему было только 19 полных лет. На его счастье, война скоро закончилась – 11 ноября.

Кстати, Монк Истман сражался в окопах Первой мировой, снискал себе славу и вернулся в Нью-Йорк героем. Он был не единственным гангстером, поставившим свои боевые навыки на

службу отечеству. Впрочем, когда солдаты-победители стали возвращаться на родину, начался обратный процесс: юноши, научившиеся стрелять на войне, пополняли ряды бандитов. А криминальное прошлое нельзя было сдать в архив: Истмана пристрелят в 1920 году среди бела дня, прямо на тротуаре...

Когда признаки беременности Мэй стали очевидны, она ушла с работы. Аль, хотя официально и не был её мужем, теперь вносил свою лепту в семейный бюджет Коглинов. Это несколько смягчило непреклонную мать. Возможно, из него выйдет не такой уж плохой зять... Словно стараясь помочь своим родителям соединиться, маленький Альберт Фрэнсис Капоне появился на свет за два месяца до срока – 4 декабря 1918 года. (Его свидетельство о рождении составлено с ошибками: отцом значится Альберт Габриэль Капоне, а не Альфонс Габриэль, даты рождения отца и матери тоже указаны неверно.) Худенькая Мэй тяжело перенесла роды, да и младенец оказался слабеньким и болезненным. Поэтому венчание состоялось почти месяц спустя – 30 декабря, на территории невесты – в церкви Пресвятой Девы Марии Морской Звезды, прихожанами которой были одни ирландцы. Все присутствовавшие чувствовали себя неловко, и после совершения обряда Коглины попросту вернулись домой, и не подумав пригласить новую родню отметить это событие. Крещение Альберта, которого в семье прозвали Сонни (Сынок)⁹, состоялось в той же церкви и тоже без всяких торжеств: крестины детей, зачатых вне брака, католики никогда не праздновали – не помещали объявлений в газетах и не приглашали гостей.

Даже после свадьбы Аль не сразу поселился в комнате Мэй на втором этаже дома Коглинов. Где он был? Много лет спустя некий Майк Айелло заявил биографу Капоне Лоренсу Бергрину, что его отец Питер Айелло в 1918 году нанял Аля бухгалтером в свою строительную фирму в Балтиморе. До Балтимора от Нью-Йорка 312 километров – путь неблизкий. Но и получает бухгалтер неплохо – не меньше 1300 долларов в год, не сравнить с жалкими грошами в картонажном цехе. Если бы Аль получил такую работу, он наверняка перевёз бы жену и сына в Балтимор, чтобы зажить своим домом и не ставить себя в унижительное положение. Но как такое могло произойти? Кто бы позвал юношу с образованием шесть классов на место бухгалтера да ещё в другой город, где у него не было знакомых? Хотя внучатая племянница Аля, Дейдре Мария Капоне, поддерживает балтиморскую версию, снабжая её красочными деталями, его внуки не припоминают, чтобы бабушка Мэй рассказывала им о подобном эпизоде. Джон Байндер, ещё один биограф Капоне, тоже считает, что в Балтиморе тот не был. Доказательство – в 1919 году Аля арестовали в Нью-Йорке за драку и нарушение общественного порядка.

Покупая жене подарки и обеспечивая семью, Аль говорил, что перебивается случайными заработками. На самом же деле он продолжал работать на Фрэнки Йеля, а это было сопряжено с определённой опасностью. В один не самый прекрасный день Капоне перешёл дорогу ирландским головорезам.

В начале XX века различные банды ирландцев из Нью-Йорка, Бруклина и портового района Ред-Хук объединились в организацию «Белая рука», чтобы противостоять нараставшему влиянию итальянских гангстеров. Даже название её было антиподом итальянской «Чёрной руки». Они боролись за сферы влияния – рыбные рынки и рыболовный бизнес, – и итальянцы понемногу брали верх, потому что ирландцы часто ссорились между собой и убивали друг друга.

Динни Мигана полиция считала «самым отчаянным главарём банды в Бруклине». В 1912 году, когда ему было 23 года, его арестовали за убийство Криса Марони, возглавлявшего «белоручников» из района бруклинской верфи. На суде его оправдали, и Динни похвастался, что в тюрьму его никому не упечь. В отличие от итальянских мафиозных боссов, он не руководил преступными операциями издали, а сам вёл своих людей «в бой»: лично ограбил

⁹ Исследователь Марио Гомес добавляет, что другим прозвищем мальчика было Джигси.

одного джентльмена на Пятой авеню, возглавил группу, угнавшую грузовик с обувью на десять тысяч долларов, участвовал в краже шёлка со склада в Ред-Хуке. Ему предъявили обвинения по всем трём пунктам, однако выпустили под залог в пять тысяч долларов. Соперником Мигана был Уильям Ловетт по прозвищу Дикий Билл, родившийся в 1894 году. В тот самый день, когда США вступили в Первую мировую войну, он записался в армию и был зачислен в 13-й пулемётный батальон 3-й роты 77-го пехотного полка. Ловетт сражался на Западном фронте и за храбрость был награждён крестом «За выдающиеся заслуги». Вернувшись в Бруклин, он снова возглавил банду с Джеймс-стрит, враждовавшую с бандой Мигана. Дикий Билл не зря получил своё прозвище: его боялись даже свои. Однажды Ловетт застрелил члена своей банды за то, что тот дернул кошку за хвост, – он любил животных. Он был алкоголиком, действовал непредсказуемо, но тоже выходил сухим из воды.

Как-то раз Фрэнки Йель послал Аля собрать дань с подконтрольной территории, и тот случайно встретил Артура Финнегана – мелкую сошку из «белоручников», который сделал оскорбительное замечание по поводу ирландских девушек, выскакивающих замуж за итальянцев. Капоне так избил Финнегана, что тот чуть не умер в больнице. Биллу Ловетту сообщили, что у нападавшего был шрам на левой щеке; он поклялся найти этого макаронника и прикончить. Фрэнки знал, что это не пустые угрозы, и попросил Джона Торрио до поры до времени спрятать Капоне в Чикаго – парень ещё пригодится. Аль уехал в «Город ветров» и стал там работать в «танц-холле» (вернее, борделе) «Четыре двойки» (название соответствовало адресу: Южная Уобаш-авеню, дом 2222) – сначала зазывалой, потом вышибалой. Однако в ноябре ему пришлось вернуться: скорпостижно скончался его отец.

Дела в цирюльне шли настолько успешно, что Габриэле Капоне нанял двух помощников и теперь больше не вставал спозаранку и не работал допоздна. Пока клиентов обслуживали, хозяин развлекал их разговорами, а в середине дня уходил в клуб по соседству. Там он и рухнул без сознания 14 ноября: обширный инфаркт. В свидетельстве о смерти, выданном на имя «Габриэля Капони», причиной указали «хронический миокардит»; приступы случались и раньше, но пациент, как часто бывает, не придавал им большого значения. Его похоронили на католическом кладбище «Голгофа» в Квинсе.

Тринадцатилетний Альберт (Умберто) воспользовался этим предложением, чтобы бросить школу и искать работу; Джон (Мими) это уже сделал и зарабатывал чем придётся. Амадо и Мафальда были ещё слишком малы, Ральфи – младенец. Его беспутный отец тратил кучу денег на женщин и игру и в родном доме почти не появлялся. Фрэнк иногда приходил поесть или переночевать, но в целом вёл такой же образ жизни. Оба не могли обойтись без своих дружков-гангстеров, но работа, которая им перепадала, не приносила больших барышей. Получалось, что содержать семью должен был Аль. Вернее, две семьи. Мэй отказалась переехать к свекрови, да и та её не жаловала. Аль был вынужден возобновить работу в «Гарварде». Теперь он жил у Коглинов, но порой пропадал на целую неделю. Каждый вечер ужинать с женой, как Торрио, не получалось; хорошо, если на ночь оставался. Зато он каждый день звонил – сначала матери, потом жене, – чтобы узнать новости и подтвердить, что жив-здоров.

Между тем в Америке наступала новая эра: покончив с войной в Европе, власти объявили войну внутреннему врагу – алкоголю. Одни восприняли эту новость скептически, другие – с воодушевлением, хотя и по разным причинам.

У американского движения за трезвость была богатая история: оно зародилось в 1826 году, и в основном его активистами были женщины. Священники, в особенности служители методистской церкви, связывали существование салунов, где спаивали мужчин, с продажностью политиков, и не без основания. В 1851 году закон о запрете производства и продажи спиртного уже был принят в штате Мэн, и за пять лет, пока он действовал, примеру этого штата последовали ещё двенадцать. В 1869 году на конвенте в Чикаго была учреждена

общенациональная Прогибационистская партия¹⁰; её усилия поддержал созданный в 1873 году Женский христианский союз трезвости, боровшийся с пьянством через воспитание молодёжи. Женщины-активистки приходили в салуны, становились на колени и начинали петь церковные гимны и молиться, призывая посетителей отказаться от выпивки, а хозяев – прекратить её продавать. Решительная Кэрри Нейшн применяла более жёсткие методы борьбы – крушила топором полки с бутылками, за что её арестовывали больше тридцати раз, штрафовали и сажали в тюрьму. В 1881 году запрет на алкоголь впервые был внесён в конституцию штата – это произошло в Канзасе. Несколько других штатов на Юге тоже стали «сухими»; иногда подобное решение принимали отдельные округа в составе штатов. «Мы не можем закрывать глаза на общеизвестный факт: здоровье нации, нравственность и общественная безопасность могут быть поставлены под угрозу повсеместным употреблением горячительных напитков, а также на факт, установленный общедоступными статистическими данными: праздность, беспорядки, нищенство и преступность, которые существуют в нашей стране, в определённой мере... объясняются этим злом», – заявил в 1887 году судья Гарлан из Канзаса.

В 1913 году была принята 16-я поправка к Конституции США, заменившая пошлины на алкоголь, финансировавшие федеральный бюджет, подоходным налогом. Таким образом из рук противников «сухого закона» выбили экономический аргумент. К марту 1917 года подавляющее число членов конгресса (и демократов, и республиканцев) были сторонниками «сухого закона», а когда США вступили в войну, протесты против него пивоваров немецкого происхождения стали выглядеть как пособничество врагу. Появился и новый довод в пользу трезвости: зерно, из которого изготавливали пиво и виски, можно использовать для поддержания военных усилий, ведь войскам США и стран-союзников необходимо продовольствие.

Сенат США предложил 18 декабря 1917 года принять 18-ю поправку к Конституции, налагавшую запрет на спиртные напитки. Пока шёл процесс ратификации, на автомобильном заводе Форда в Мичигане уже подсчитали, что после введения запрета количество прогулов всего за один месяц – с апреля по май 1918-го – сократилось на 38,5 процента. Чем не аргумент! К тому же в марте 1918 года производство и импорт спиртного были запрещены в Канаде («сухой закон» продержится там 21 месяц). 18 ноября, через неделю после заключения Компьенского перемирия, конгресс США принял «сухой закон» военного времени, запрещавший продажу спиртных напитков крепостью свыше 1,28 градуса. Закон вступил в силу 30 июня 1919 года. К тому моменту 18-я поправка была уже полгода как ратифицирована (за неё проголосовали 36 штатов из 48). 28 октября конгресс в обход вето, наложенного президентом Вудро Вильсоном, принял закон, предложенный конгрессменом из Миннесоты Эндрю Волстедом, где давалось определение горячительных напитков и устанавливалось наказание за их незаконное производство, продажу, перевозку и экспорт. Под запрет попадали все напитки крепостью более 0,5 градуса, включая вино и пиво, что удивило даже прогибационистов. Разрешалось производить спиртосодержащие жидкости только для использования в научных целях, в качестве топлива, в парфюмерной и фармацевтической промышленности, а также для религиозных ритуалов. Следить за исполнением закона должны были три федеральных агентства: Береговая охрана, Прогибационное бюро, подчинявшееся налоговой службе Министерства финансов, и Прогибационное бюро при Министерстве юстиции.

Прогибационисты ликовали. Один из ярых борцов за трезвость сенатор Моррис Шепард в шутку заявил, что «шансов на отмену 18-й поправки столько же, сколько у колибри долететь до Марса с Монументом Вашингтона, привязанным к хвосту». Конечно, не всё было

¹⁰ Программа Прогибационистской партии (от *англ.* prohibition – запрет) гласила: «Так как торговля опьяняющими напитками составляет позор для христианской цивилизации, наносит ущерб важнейшим интересам общества, является политическим злом неизмеримого значения и так как все концессионные системы не в силах ослабить зло, то является безусловной необходимостью ее подавление путем законодательства каждого отдельного штата, а также законодательства всего Союза».

так однозначно. В 1919 году принц Уэльский Эдуард посетил Канаду и по возвращении повеселил своего отца Георга V песенкой, услышанной им в одном приграничном городке:

Four and twenty Yankees, feeling very dry,
Went across the border to get a drink of rye.
When the rye was opened, the Yanks began to sing,
«God bless America, but God save the King!
(Двадцать четыре янки с пересохшим ртом
Пошли через границу за свеженьким пивком.
Как жажду утолили, запели с ноты «соль»:
«Боже, храни Америку! Да здравствует король!»)

Как бы то ни было, «сухой закон» вступил в силу 17 января 1920 года. По иронии судьбы в этот самый день Алю Капоне исполнился 21 год – возраст, с которого в современных США допускается употребление спиртных напитков.

Глава вторая

Чикаго

Говядина по-итальянски

На шесть человек:

3–4 фунта ростбифа из костреца; 6 (или больше) долек чеснока; ½ ч. л. орегано; ½ ч. л. соли; ½ ч. л. измельчённого сухого лука; ¼ чашики порубленной петрушки; ¼ чашики измельчённого красного перца; ½ ч. л. паприки; ¼ ч. л. мускатного ореха; ¼ ч. л. тимьяна; 3 красных или зелёных перца; ¼ чашики оливкового масла; буханка итальянского хлеба; горячая приправа из маринованных овощей (giardiniera).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.